

УДК 908

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НЭПА: УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И НЕРЕАЛИЗОВАННЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ

Макаров Юрий Николаевич,
доктор исторических наук, профессор
Сочинский государственный университет
туризма и курортного дела
354000, Россия, г. Сочи, ул. Советская 26а

В статье на основе архивных материалов рассматривается государственно-конфессиональные отношения в Советской России в условиях Новой экономической политики.

Ключевые слова: конфессиональные отношения, НЭП, Советская Россия, РПЦ.

С весны 1921 г., в условиях нэпа, началась серьезная корректировка курса, форм и методов осуществления государственной вероисповедной политики. Первый опыт использования чисто военных («ударность и штурмовщина») [1] (массовые, хотя и бессистемные гонения на лиц духовного звания, попытки уничтожить церковь одним ударом, лишив его экономического фундамента) способов преодоления религиозного влияния показал их малую эффективность, ибо с помощью прямого силового противоборства достичь реального и масштабного снижения уровня религиозности масс не удалось, зато напряженность во взаимоотношениях власти и многомиллионного крестьянства заметно усилилась. Кроме того, сосредоточение внимания в антирелигиозной работе почти исключительно на РПЦ (как это делалось в годы гражданской войны) только облегчало работу сектантам по вовлечению в свои ряды новых членов за счет выходцев из православной среды, а допущение подобной рокировки (по принципу сообщающихся сосудов) в планы большевиков вряд ли входило [2]. Таким образом, реалистическое восприятие ситуации, сложившейся в стране к концу 1920-го года, убеждало власти в необходимости достижения некоего компромисса в отношениях с конфессиональными объединениями. Все более назревавшая проблема установления дипотношений РСФСР со странами Запада в перспективе также требовала смягчения ситуации вокруг «религиозного вопроса».

Измененная, чуть менее жесткая, чуть более либеральная линия поведения партийно-советских органов по отношению к религии и

Церкви была сформулирована в резолюции майского (18 мая 1921 г.) пленума ЦК РКП(б) «По вопросу о нарушениях пункта 13 Программы и постановке антирелигиозной пропаганды», в специальных «Директивах ЦК советским и партийным организациям об отношении к сектам и политике в отношении религиозных групп вообще» (22 июня 1921 г.), тексте февральского (4 февраля 1922 г.) постановления ЦК РКП(б) «О постановке антирелигиозной пропаганды», в выступлении Секретаря ЦК Ем. Ярославского на совещании заведующих агитпропотделами комитетов партии (7–11 июля 1921 г.), а затем конкретизирована в циркулярах ЦК Компартии Украины «Об антирелигиозной пропаганде» (10 июня 1921 г.), «О методах антирелигиозной пропаганды» (декабрь 1921 г.), документах февральского (1922 г.) Всеукраинского совещания агитпропов, в Программе комсомола (IV съезд РКСМ, 1921 г.) и т.д. [3]

Акцент был сделан на необходимости, «не выпячивая вопроса о борьбе с религией [4]» («переживаемый ныне период менее всего является удобным для выдвижения на первый план антирелигиозной борьбы»), привести формы и методы антирелигиозной пропаганды в соответствие с «основной ныне экономической политикой», направленной на укрепление союза пролетариата с крестьянством [5]. Впрочем, это совсем не означало полной смены общего партийного курса вероисповедной политики. Неизменным оставалось положение, гласившее, что коммунистическое воспитание возможно только на основе разрушения религиозного мировоззрения и замены его научно-материалистическим. Антирелигиозную работу партия рассматривала как дело первостепенной важности [6], настаивая на том, что пассивность в борьбе с религией не допустима [7] (следовало разоблачать попытки «подновить религиозность масс» на почве усталости от войны и экономических бедствий, но «не делать из этого вопроса борьбы с массами» [8]). Вместе с тем ЦК партии большевиков требовал не забывать, что религия представляет собой мировоззренчески целостное явление, и поэтому преодолеть религиозное влияние одними лишь административными мерами невозможно. Борьба с религией может быть успешной только тогда, – указывал ЦК, – когда «экономическое развитие поднимает сознание», а антирелигиозная пропаганда «обостряет и ускоряет рост сознательности» [9]. В стране, где абсолютное большинство населения верующие, атеистическую работу необходимо вести серьезно, профессионально и дифференцированно, используя специально подготовленных партийцев. ЦК большевиков призывал добиться решительного перевеса пропагандистских методов работы над агитационными. Партийной печати вменялось в обязанность изменить тон агитации (борьбу с религией поставить «научнее» [10]) и, не отказываясь от серьезной политической сатиры, прекратить при-

митивные и вульгарные наскоки на духовенство (как говорил Ем. Ярославский на майском 1921 г. Пленуме ЦК, не сама антирелигиозная пропаганда озлобляет крестьян, а ее неумелая постановка). Рекомендовалось ни в коем случае не применять по отношению к рядовым священнослужителям «исключительных мероприятий», избегать «назначения на особенно тяжелые, грязные работы, как чистка отхожих мест, только на основе принадлежности к духовенству» [11]. Было запрещено закрывать церкви без согласия на то большинства населения, не допускать использования изъятых культовых зданий для удовлетворения хозяйственных нужд [12]. «Тщательно избегать узко направленной агитации ... против представителей одного какого-нибудь культа: наоборот, систематически подчеркивать, что РКП борется не с какими-нибудь одними религиозными группами, а со всяким религиозным мировоззрением вообще. Тщательно избегать всего, что давало бы повод какой-нибудь отдельной национальности думать, а нашим врагам говорить, что мы преследуем людей за их веру» [13].

П. Красиков на X съезде РКП(б) призывал «твердо выработать определенную линию, в какой мере и как вы, соблюдая пункты нашей программы о нестеснении религиозной свободы, должны поставить границы там, где этот флаг религии прикрывает определенные классовые интересы» [14].

Стержнем всей антирелигиозной работы должна была стать пропаганда коммунизма как научной и общественной системы, способной удовлетворить все запросы трудящегося человека. ЦК РКП(б) требовал «на место религиозного миропонимания поставить ... стройную коммунистическую научную систему, обнимающую и объясняющую вопросы, ответы на которые до сих пор крестьянская масса искала в религии» [15].

Выполнение этих задач было возложено на Главполитпросвет и Агитпропотдел (АПО) ЦК РКП(б), структурное оформление которых было завершено еще в конце 1920 г. [16].

Однако общее руководство богоборческой работой сосредоточилось в руках так называемой Антирелигиозной комиссии (АРК). Начавшая активно функционировать в сентябре – октябре 1922 г. (решение Секретариата ЦК, оформленное в качестве постановления Оргбюро ЦК от 13.10.1922 г., и Постановление Политбюро ЦК от 19 октября 1922 г.), она вобрала в себя целый ряд разрозненных партийных комиссий, существовавших в недрах аппарата ЦК с июля 1921 г. [17] (в том числе Комиссию по антирелигиозной пропаганде при АПО ЦК во главе со И.И. Скворцовым-Степановым и П.А. Красиковым, а также Комиссию Политбюро по вопросам сектантства, возглавлявшуюся П.Г. Смидовичем). В составе комиссии в разное время работало более 100 человек, при этом ее состав с 1922 по 1925 гг. постоянно расширялся (на посту

председателя АРК Н.Н. Попова – зав. п/о пропаганды АПО ЦК и помощника Троцкого по ЦКИЦЦ – с 25 января 1923 г. сменил Ем. Ярославский [18]). Практически половину членов комиссии составляли представители ГПУ, НКВД, НКЮ.

Секретариат 13 октября 1922 г. дал полномочия АРК «по ведению дел церковной политики» (связь с церковными группами, с ВЦУ и т.д.), по руководству ею в центре и на местах. В ее компетенцию также входили задачи выработки «директив по печатной и устной антирелигиозной пропаганде» [19].

Антирелигиозная комиссия непосредственно подчинялась Оргбюро ЦК, а при решении наиболее принципиальных вопросов – Политбюро ЦК. Полный текст совершенно секретных протоколов Комиссии печатался первоначально лишь в 2-х экз. и предназначался для Секретариата ЦК и руководства ГПУ. Круг лиц, которым рассылались выписки из протоколов Комиссии «для ознакомления», был также сугубо ограниченным. Хранить выписки требовалось в отдельном пакете («наряду с шифром»), категорически запрещалось копировать решения Антирелигиозной комиссии, а также ссылаться на них в делопроизводстве. В том же 1922 г. аналогичные комиссии были созданы и в аппарате ЦК КП(б)У, ЦК КП(б)Б и др. республик [20].

16 марта 1923 г. АПО ЦК, констатировав, что антирелигиозная пропаганда в ряде областей приобрела «нежелательный характер», высказался за то, чтобы «антирелигиозное движение не затрагивало крестьян». Что касается возможного закрытия храмов, то было заявлено, что оно допустимо лишь при наличии «единодушного» согласия верующих [21].

В резолюциях XII съезда РКП(б), проходившего с 17 по 25 апреля 1923 г. (и в принятых на базе общепартийных решений постановлениях ЦК Компартий Украины и Белоруссии) [22], было подчеркнуто, что сомнений относительно принципиальной важности антирелигиозной работы нет («как одного из действенных средств расширения партийного влияния на широкие трудящиеся массы») [23]. Дискутировать может лишь вопрос методов и темпов ее осуществления. Здесь не должно быть торопливости – говорилось в партийных документах. Пока революционный процесс не преобразует экономику миллионов крестьянских хозяйств, пока не исчезнет частнокапиталистический сектор, пока школа и политпросветработа будут не в состоянии обслуживать всю массу трудящихся, расшатанные и подорванные революцией религиозные предрассудки еще долго будут иметь под собой почву.

В этих условиях антирелигиозная работа, по мнению высших партийных инстанций, должна была носить характер длительной, настойчивой, планомерной, углубленной и систематической пропаган-

ды («...наглядно и убедительно вскрывать каждому рабочему и крестьянину ложь и противоречие его интересов всякой религии, разоблачать связь различных религиозных групп с интересами господствующих классов...»). XII съезд РКП(б), ЦК партии осудили «нарочито грубые приемы, часто практикуемые в центре и на местах, издевательства над предметами веры и культа», которые «не ускоряют, а затрудняют освобождение трудящихся от религиозных предрассудков», и потребовали раз и навсегда «пресечь комсомольские увлечения по части закрытия церквей» и «левые загибы отдельных партийных товарищей [24]».

В партийных решениях подчеркивалось, что молодежь – самая благоприятная почва для антирелигиозной пропаганды. Но и здесь не должно быть самообольщения в оценке темпов ее продвижения к атеизму. Пока нет твердого фундамента естественнонаучных знаний и стройной системы материалистического мировоззрения, нет и твердых атеистических воззрений, а есть только атеистический, а точнее, антирелигиозный нигилизм (точка зрения пленума ЦК КП(б)У от 22 июня 1923 г.; Политбюро ЦК КП(б)У от 13 июля 1923 г.; Пленума ЦК КП(б)Б от 13 июля 1923 г.) [25].

Антирелигиозная комиссия ЦК 15 и 22 мая 1923 г., констатировав наличие многочисленных эксцессов на почве массового закрытия церквей, поручила ГПУ разобраться с каждым случаем в отдельности. При наличии доказательств нарушения существующих правил виновных следовало привлекать к ответственности. Те изъятые культовые здания, которые не используются и относительно возврата которых ходатайствуют прихожане, должны были быть вновь переданы Церкви [26]. 20 июня 1923 г. Оргбюро ЦК специальной телеграммой категорически запретило в дальнейшем закрывать церкви при малейшей опасности политических осложнений и распорядилось открыть те из них, изъятие которых вызвало особое раздражение верующих [27].

Показательна реакция на директивы Центра многих руководителей местных партийно-советских инстанций: не рискуя проявлять открытое непослушание, они пытались обойти их с помощью всевозможных уловок. Так, секретарь Коми ОК РКП(б) Чирков рекомендовал (июнь 1923 г.) своим подчиненным: «посредством обложения церквей и площадей, занимаемых под ними, высокими налогами» [28] принуждать прихожан к добровольному отказу [29] от культовых помещений [30].

Непрекращавшиеся сигналы с мест о массовом недовольстве верующих вынудили ЦК принять конкретные и развернутые постановления по вопросу государственной вероисповедной политики.

В июле – августе 1923 г. Антирелигиозная комиссия ЦК, Политбюро и Оргбюро [31] наметили пути исправления ошибок, допущен-

ных в антирелигиозной работе последнего периода времени и наносивших, как гласила преамбула циркуляра ЦК «Об отношении к религиозным организациям» от 16 августа 1923 г. [32], «неисчислимый вред советской власти», грозящих разрушить союз пролетариата с крестьянством, срывающих «достижения партии в области разложения» церкви. ЦК констатировал, что ни в одной области партийно-государственной работы не проявляется такого «разнобоя, произвола, политически вредного легкомыслия и недомыслия», как в сфере антирелигиозной работы (в ряду неблагополучных были названы Владимирская, Орловская, Гомельская губернии, Сибирь, Украина и Закавказье). Ошибки в осуществлении государственной вероисповедной политики затрудняют ведение «правильно поставленной» антирелигиозной работы и способствуют закреплению религиозных предрассудков. Эти действия подрывают престиж советской власти и усиливают позиции ее врагов. ЦК запретил (под личную ответственность секретарей губкомов и ЦК нацреспублик) закрывать церкви без согласия подавляющего большинства верующих. Осуждалась практика проведения голосования по вопросу о прекращении функционирования храмов на совместных собраниях верующих и неверующих либо верующих различных конфессий (привлечение к процедуре голосования граждан, «принадлежащих к другим группам, посторонним тем, что заключали договор»). Указывалось на недопустимость изъятия единственного (для определенной конфессии в данной местности) молитвенного здания. Предлагалось исключить случаи закрытия культовых помещений по причине невыплаты налогов (высокие налоги, как уже было сказано выше, зачастую подталкивали прихожан к добровольному отказу от культовых помещений [33]), по политическим соображениям (в этом случае церковь должна была передаваться другой религиозной группе [34]) и вообще «без особой государственной надобности».

Партийное руководство (Пленум ЦК 26–27 июня 1923 г. и заседания Политбюро ЦК 12 и 27 июля 1923 г.) не исключало возможности возвращения ранее изъятых храмов в случае возбуждения ходатайств значительной частью верующих. ЦК напоминал неоднократные разъяснения НКЮ относительно того, что взимание арендной платы со зданий, специально приспособленных для богослужебных целей или с той земли, на которой они расположены, «не должно иметь места». Лишь в городах (но не на селе) здания и земля могли облагаться обычным (а не особым) налогом, установленным для частных жилых помещений и земельных участков под ними [35]. ЦК рекомендовал избегать арестов «религиозного характера, поскольку они не связаны с явно контрреволюционными действиями служителей культа и верующими». Однако при этом не ослаблять бдительности в смысле

тщательного наблюдения за тем, чтобы конфессиональные общества не обратили религию в орудие контрреволюции [36].

Ясно, что текст секретного циркуляра расшифровывал для региональных парткомов общие фразы резолюции XII партсъезда (письмо было разослано параллельно с опубликованием съездовской резолюции), переводя их в область практических действий. Очевидна и антихонновская направленность документа, сориентированного на дальнейшее углубление внутрицерковного раскола («физическое гонение верующих Русской церкви не способствует ее разложению»). Творимый на местах административный произвол способствовал усилению только одной группировки – обновленческой, что в конечном итоге вело к исчезновению церковного раскола. Бестактная антирелигиозная пропаганда и агитация спланировала ряды верующих. Исправить сложившуюся ситуацию «без потери бдительности», но с обязательным устранением перегибов и должны были официальная резолюция партсъезда и секретный циркуляр ЦК.

Общепартийное решение было продублировано ЦК союзных республик. Более того, СНК Грузинской ССР (открыв 85 из ранее изъятых 1213 церквей) опубликовал особый декрет о наказании за оскорбление религиозных чувств верующих [37].

По настоянию ЦК были дезавуированы намерения местных властей добиться отмены религиозных праздников или переноса воскресного (якобы религиозного) дня отдыха на другие дни недели [38].

В сентябре 1923 г. Антирелигиозная комиссия ЦК вновь самокритично признавала, что антирелигиозная работа ведется партийными организациями крайне слабо, неумело. Диспуты [39], суды над религией и т.п. формы превращают нашу борьбу с религией в спорт, – отмечалось в одном из отчетов того времени [40].

В письме «Об антирелигиозной пропаганде в деревне» (окт. 1923 г.) ЦК РКП(б) требовал, чтобы антирелигиозная пропаганда заняла свое место в планах и программах политико-просветительной работы сельских организаций РКП(б), РКСМ, пионеров, спортивных организаций, пунктов допризывной подготовки. В систему антирелигиозной пропаганды также должны быть включены сельскохозяйственные кружки и кружки самообразования [41].

В отчете АПО ЦК XIV съезду РКП(б) содержались сведения уже о тысячах функционировавших антирелигиозных кружков, с сотнями тысяч участников, среди прочих, из числа нацменьшинств. Вопросы на антирелигиозную тематику были включены в учебные программы педагогических, сельскохозяйственных и медицинских вузов [42]. Важное значение придавалось открытию антирелигиозных музеев [43], переходу к систематической естественнонаучной пропаганде, ликвидации сельскохозяйственной неграмотности крестьян, созданию «безбож-

ных» огородов с целью пропаганды достижений домохозяев, получивших агрономические знания на занятиях в сельскохозяйственных кружках [44]. Большое впечатление на широкие массы производили сеансы гипноза и химические опыты по разоблачению чудес с т.н. «слезоточивыми и обновляющимися» иконами [45].

РКП(б) были приняты специальные постановления, ориентировавшие издательства на расширение выпуска атеистической литературы, доступной по своему содержанию для широких масс. С мая 1922 г. по апрель 1925 г. было отпечатано не менее 300 названий антирелигиозных книг и брошюр. В первой половине 1920-х гг. выходил уже целый ряд антирелигиозных журналов, среди них «Революция и церковь», «Безбожник», «Безбожник у станка» (орган МК РКП(б), газета «Безбожник» (к 1925 г. ее тираж составлял 210 тыс. экз.) [46].

В партийных документах середины 1920-х гг. неоднократно указывалось, что антирелигиозное воздействие не затронет толщу народа до тех пор, пока не сдвинется работа по школьному просвещению и не развернется борьба с неграмотностью. Реорганизация школы – лучший метод антирелигиозной пропаганды, – подчеркивалось на XII съезде партии [47]. 2-ой Всероссийский съезд по ликвидации неграмотности (май 1923 г.) утвердил план, согласно которому к 1927 г. предстояло обучить 17 млн человек в возрасте 15–35 лет. В 1924–1925 гг. системой ликбеза было охвачено 1,5 млн, в т.ч. 1,25 млн молодежи. Программы политграмоты для ликпунктов и школ малограмотных также были дополнены антирелигиозным разделом [48]. Однако, несмотря на чрезвычайные усилия, к середине 1920-х гг. большая часть ликбезовских проблем решена так и не была. 43,4 % населения в возрасте 9–49 лет оставалась неграмотной (в городах – 19 %), в том числе 4 млн подростков [49]. Во многих школах, особенно нацменьшинств, не хватало новых учебников, подготовленных (в духе воинствующего материализма) педагогических кадров. Партия и комсомол особенно сетовали на то, что многие учителя продолжают руководствоваться в своей работе теорией т.н. «безрелигиозного воспитания», отрицая необходимость ведения активной атеистической пропаганды в стенах школы [50].

По воспоминаниям М.И. Калинина [51], В.И. Ленин полагал, что только театр в состоянии заменить религию, что именно он сможет отвлечь внимание крестьянских масс от «обрядовых сборищ» («потому, что театр есть самый сложный, самый синтетический вид искусства»). XII съезд РКП(б), Антирелигиозная комиссия ЦК рекомендовали использовать возможности театральной сцены для ведения антирелигиозной пропаганды. В 1923 г. в Москве появился первый (частный) театр «Атеист», позднее преобразованный в студию «Безбожник» при Московском обществе атеистов. Ячейки комсомола ставили антирелигиозные пьесы прямо под открытым небом. Партия большевиков активно под-

держивала это начинание молодежи, указывая при этом на необходимость строго браковать «антирелигиозную сценическую халтуру» [52].

Таким образом, нэповская оттепель лишь активизировала усилия государства, направленные на заключение конкордата с определенной частью православной иерархии и приходского духовенства в целях установления контроля над РПЦ. Что касается антирелигиозной идеологической работы, то она выросла из административной практики по отделению церкви от государства и потому страдала грубым примитивизмом. Несмотря на призывы сверху отказаться от военно-коммунистических, исключительно агитационных методов преодоления религиозного влияния и перейти к углубленным пропагандистским формам, придав атеистическому воздействию планомерно-систематический характер, антирелигиозная работа на протяжении всех 1920-х годов осуществлялась преимущественно по принципу ударных кампаний и явно тяготела к использованию административных мер борьбы с религиозными предрассудками, в первую очередь, посредством закрытия культовых помещений. Государству, как и ранее, было свойственно стремление к «внутреннему истощению» и «экономической эксплуатации» культа (арендная плата, налоги, выдача промысловых патентов и др.). При этом партийные лидеры не исключали возможности возврата к силовому противостоянию с религией и Церковью в случае соответствующего изменения общественно-политической обстановки в стране.

Примечания:

1. В «Директивах ЦК советским и партийным организациям об отношении к сектам и политике в отношении религиозных групп вообще» (22 июня 1921 г.) подчеркивалось, что острая борьба первого периода становления диктатуры пролетариата требовала проведения ряда мер, нанесших удар всем организациям, связанным с существованием буржуазного общества (в т.ч. бывшей государственной церкви и другим религиозным объединениям): «Декреты [и «громкая культурная работа»] ... в значительной мере ослабили, расшатали, разложили эти организации». (Справочник партийного работника. М., 1922. С.92–93 и др.).

2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп.112. Д.620. Л.40; Оп.60. Д.158. Л.6–7.

3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, испр. и доп. Т.2. - М., 1983. С.444-446; Вестник агитации и пропаганды. 1921. №11–12. С.26–27; №16–17. С.35, 45; Коммунист (Харьков). 1921. 16 июня; Известия ЦК КП(б)У. 1921.№6. С.24-26; Известия ЦК РКСМ. 1922. 10 марта; РГАСПИ. Ф.17. Оп.2. Д.65. Л.1; Оп.60. Д.146. Л.52; д.158. Л.9; Оп.65. Д.539. Л.34; Оп.112. Д.309. Л.113; Д.310. Л.15; Ф.М-1. Оп.3. Д.3. Л.49; Центральный государственный архив общественных организаций Украины (ЦГАООУ). Ф.1. Оп.20. Д.748. Л.56-58, 158-163; Д.749. Л.99-102; Д.1454. Л.214 и др.

4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.54. С.440, 721.

5. РГАСПИ. Ф.17. Оп.65. Д.539. Л.34; Оп.112. Д.309. Л.113.

6. В постановлении майского (1921 г.) Пленума ЦК, в циркулярах ЦК РКП(б) «О нарушении программы партии в области религии» (март 1921 г.) и ЦК КП(б)У «Обязанности члена партии в отношении к религиозному вопросу» (сентябрь 1921 г.) содержалось

требование «ко всем развитым, сознательным, интеллигентным членам партии» активнейшим образом «участвовать в культурно-просветительной деятельности, направленной против религии», противодействуя при этом «всяким попыткам идейного сближения коммунизма и религии». Кроме того, ЦК КП(б)У обязал каждого члена партии «исследовать характер и деятельность религиозных движений и союзов» и сообщать полученные сведения партийным инстанциям. (КПСС в резолюциях... Т.2. С.445–446; Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М., 1991. С.267; Известия ЦК КП(б)У. 1921 .№5 (сент.); Агитпропаганда (Харьков). 1922. №1. С.188-189).

7. РГАСПИ. Ф.17. Оп.60. Д.146. Л.52; Д.158. Л.9.

8. Вестник агитации и пропаганды. 1921. №16–17. С.35 , 45; Известия Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б). 1921. №5(10). С.18–19.

9. Вестник агитации и пропаганды. 1922. №22-23. С.26-32.

10. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.54. С.440.

11. РГАСПИ, ф.17, оп.65, д.539, л.34.

12. ЦГАООУ. Ф.1. ОП.20. Д.748. Л.160; Агитпропаганда (Харьков). 1922. №1. С.103.

13. КПСС в резолюциях... Т.2. С.446.

14. Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г.: Стеногр. отчет. М., 1963. С.173.

15. КПСС в резолюциях... Т.2. С.445; см. также: РГАСПИ. Ф.17. Оп.2. Д.65. Л.1.

16. РГАСПИ. Ф.17. Оп.60. Д.29. Л.38, 40.

17. Комиссия по антирелигиозной пропаганде при АПО ЦК РКП(б), согласно ее протоколам, начала свою работу в декабре 1921 г., т.е. со временем разворачивания кампании по учету и сосредоточению ценностей, и продолжала ее до марта 1922 г., до создания Центральной комиссии по изъятию церковных ценностей, возобновила деятельность в сентябре-октябре и существовала вплоть до роспуска ЦКИЦЦ в связи с окончанием кампании по изъятию церковных ценностей. (РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.318. Л.1. 6; Д.331. Л.1. 2; Оп.60. Д.12. Л.25; Д.29. Л.38, 40; Д.158. Л.2-9, 11-18, 49-51об.; Оп.112. Д.367. Л. 178; Д.378. Л.2, 4, 61; Д.405. Л.7, 207; Ф.5. Оп.2. Д.55. Л.38; Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. / Сост. и комментарии Н.Н. Покровского и С.Г. Петрова: В 2 т. М.; Новосибирск, 1997–1998. Т.1. С.319–326, 358-359; 546-549; Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 1999. С.559–560; Петров С.Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской церкви (1921-1925 гг.). М., 2004. С.246–261.

18. Петров С.Г. Документы делопроизводства Политбюро... С.255; Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1990. Т.2. С.213).

19. РГАСПИ. Ф.17. Оп.112. Д.378. Л.4.

20. РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.310. Л.6; Д.318. Л.1, 6; Д.321. Л.3; Д.767. Л.11; Оп.84. Д.309. Л.107–108; Оп.60. Д.29. Л.38, 40; Д.158. Л.14об.; Оп.112. Д.367. Л.3; Д.378. Л.4. 6об.; Д.405. Л.207; Д.443а. Л.9; Д.604. Л.4, 53; Ф.2. Оп.1. Д. 23358. Л. 1-2; Ф.5. Оп.2. Д.55. Л. 38, 39; ЦГАООУ. Ф.1. Оп.20. Д.1772. Л.3об., 16; Звезда (Минск). 1922. 12 мая; Политбюро и церковь. Т.1. С.321, 358-359, 452, 546-549; Савельев С.Н. Бог и комиссары (К истории Комиссии по отделению церкви от государства при ЦК РКП (б) - Антирелигиозной комиссии) // Религия и демократия: Сб. статей. М., 1993. С.164-169, 173–179 и др.

21. РГАСПИ. Ф.17. Оп.60. Д.661. Л.84.

22. КПСС в резолюциях... Т.3. М., 1984. С.114–116, 124–125, 249; Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.1 (1918–1927 гг.). Минск, 1983. С.150;

23. Васильева И.Г. Российское государство и религия (1917–1920-е гг.). Уфа, 1998. С.162–163.

24. В научной литературе последних лет предложен иной вариант трактовки содержания специальной резолюции по проблемам антирелигиозной работы, принятой XII съездом РКП(б). Так, В. Алексеев считает, что на съезд этот вопрос «вытащили» представители «левацки настроенной» части ЦК партии. Они же добились включения в текст итогового постановления формулировок, акцентировавших внимание членов РКП(б) на

том, что антирелигиозная работа – дело общегосударственной важности, форма хотя и мирной (в новых условиях), но все же классово-борьбы (так в пересказе у В.А. Алексеева), направленной на «разоблачение контрреволюционной роли религии и церкви» и «окончательное разрушение религиозных верований во всех видах среди рабочих и крестьянских масс». (КПСС в резолюциях... Т.3. С.114–115; Алексеев В. Иллюзии и догмы. С.36).

Не соглашаясь с точкой зрения В.А. Алексеева в частности, не будем, однако, спорить с тем, что полемика по религиозной проблематике в кулуарах съезда, а затем в коридорах ЦК (приведшая к появлению августовского 1923 г. циркуляра ЦК РКП(б) – см. ниже) может и должна рассматриваться в контексте борьбы за ленинское наследие. Временный тактический откат на антирелигиозном фронте, не в последнюю очередь, был связан с изменением соотношения сил в партийном руководстве. (Материалы к Агитационно-пропагандистской секции XII съезда РКП(б). М., 1923; Политбюро и церковь. Т.1. С.557) Корректировка направленности курса вероисповедной политики, среди прочего, являлась следствием утраты В.И. Лениным реальных рычагов власти и падения авторитета Л.Д. Троцкого (т.е. сторонников жесткой линии во взаимоотношениях с конфессиональными организациями) и укрепления в верхах партии триумvirата Сталина, Зиновьева и Каменева (последний с весны 1923 г по поручению Политбюро курировал вопросы конфессиональной политики), использовавших и религиозный вопрос в целях усиления своего личного влияния в рядах РКП(б). (Кривова Н.А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг. С.195–197). В этом плане, резолюция XII съезда (по крайней мере, в ее первоначальном варианте) должна была символизировать некий компромисс между «леваками» и «прагматиками». Небезынтересно отметить также и то обстоятельство, что процесс утверждения окончательного текста постановления съезда по религиозному вопросу затянулся на уровне Политбюро почти на 3 месяца, до конца июля 1923 г. (РГАСПИ. Ф.17. Оп.112. Д.463. Л.4. 91; Оп.3. Д.367. Л.4, 8; Политбюро и церковь. Т.1. С.407–408).

25. РГАСПИ. Ф.89. Оп.4. Д.163. Л. 4–8 и др.

26. РГАСПИ. Ф.89. Оп.4. Д.115. Л.16. 18.

27. РГАСПИ. Ф.17. Оп.60. Д.509. Л.3–4.

28. В храмах была разрешена торговля предметами культа (Разъяснение V отдела НКЮ от 20.02.1923 г.), которая подлежала обложению промысловым налогом. При этом, промысловое свидетельство выдавалось на имя отдельного лица, а не религиозной общины. (Гидулянов П.В. (Сост.). Церковь и государство по законодательству РСФСР. Сб. узаконений и распоряжений с разъяснениями V отд. НКЮ. М., 1923. С.53).

29. Как подчеркивал в феврале 1925 г. М.И. Калинин, «на местах [создается] впечатление, что специальными обложениями советское правительство борется с религией». (РГАСПИ. Ф.151. Оп.1. Д.50. Л.1). Об этом же еще раньше, в мае 1924 г., говорил и А.И. Рыков, реагируя на соответствующие сигналы и заявления со стороны известных религиозных деятелей. (ГАРФ. Ф.5263. Оп.1. Д.57. Л.34–34об., 46–51, 85–85об. и др.). Так, митр. Антонин, обращаясь (1 февраля 1923 г.) от имени ВЦУ обновленческой Православной церкви во ВЦИК, подчеркивал, что «не отступая от принципа изоляции Церкви и скрытой тенденции внутреннего ее истощения, от юридического бесправия», социалистическое государство встало на [«капиталистический»] путь экономической эксплуатации культа, корыстного использования Церкви (арендная плата, налог со священнослужителей, выдача промысловых патентов), что, фактически, «приравнивает культ к торгово-промышленным заведениям». Социалистическое строительство, будучи идейным противником религии, не может и не должно пользоваться культом для своих целей. «Если это церковный нэп, то он требует и иной церковной юстиции ...», – указывал иерарх. (РГАСПИ. Ф.89. Оп.4. Д.180. Л.3–4). Обсудив послание ВЦУ, Президиум ВЦИК принял решение временно, до «коллегияльного рассмотрения», все налоги, имеющие специальное отношение к культу, отменить. Судя по всему, решение, действительно, носило временный характер, так как вскоре жалобы, аналогичные той, что была направле-

на митр. Антонином, возобновились. Не случайно в текст проекта (июль 1923 г.) циркулярного письма ЦК «Об отношении к существующим религиозным организациям» было включено положение (в окончательный вариант документа, кстати, не вошедшее), настаивавшее на необходимости «раз навсегда понять и запомнить, что при отделенности церкви от государства никакие специальные доходы для государства от отправления культа получаться не могут». (Политбюро и церковь. Т.1. С.408–413).

30. РГАСПИ. Ф.17. Оп.60. Д.509. Л.5–5об.; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство (1917 - 1941 гг.). С.185.

31. РГАСПИ. Ф.17. Оп.2. Д.99. Л.1. 20; Д.100. Л.2-14; Оп.3. Д.361. Л.8; Д.364. Л.9; Д.367. Л.8; Оп.60. Д.509. Л.3-4; Оп.112. Д.463. Л.4, 90-91; Ф.89. Оп.4. Д.115. Л.13, 16-18, 26, 61; Политбюро и церковь. Т.1. С.379-380, 395-396, 407-413.

32. Проект документа, подготовленный членом АРК П.Г. Смидовичем в развитие решений Пленума ЦК от 4 июля 1923 г. и постановлений Политбюро ЦК от 12 июля и 23 августа 1923 г., содержал многочисленные поправки, принадлежащие в т.ч. и И.В. Сталину. (РГАСПИ. Ф.17. Оп.11. Д.157. Л.1; Ф.558. Оп.1. Д.2544. Л.2-7; Политбюро и Церковь. Т.1. С.414; Петров С.Г. Документы делопроизводства Политбюро... С.330-343).

33. РГАСПИ. Ф.17. Оп.60. Д.509. Л.5–5об.; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство (1917–1941 гг.). С.185.

34. Специальным постановлением ВЦИК «О нарушении договоров с группами верующих о пользовании церковными зданиями...» от 29 марта и специальной инструкцией НКЮ и НКВД от 19 июня 1923 г. («... по вопросам, связанным с проведением декрета об отделении церкви от государства») был повышен уровень, на котором принимались решения о судьбе церковных зданий (о передаче их верующим, о закрытии храма и т.п.). Если ранее подобные вопросы могли решаться и на уровне волостных/уездных советов, то теперь – только губернскими и областными исполкомами. Был установлен порядок, в соответствии с которым даже участие церковной группы в контрреволюционных выступлениях не должно было влечь за собой закрытие культовых зданий. Храм в таком случае передавался «более благонадежной ... группе верующих». Также вышеупомянутая инструкция предусматривала (со ссылкой на постановление Президиума ВЦИКа от 13 июня 1921 г.), что молитвенные собрания верующих (независимо от числа участников) проводятся, а культовые действия отправляются без предварительного разрешения; церковная проповедь, если она является «неотъемлемой составной частью богослужения данного культа» и носит исключительно религиозный характер, цензуре не подвергается («распространение и пропаганда буржуазно-анархических учений под религиозным флагом, направленные против Советской власти, подлежат уголовному суду на общем основании соответствующих статей Уголовного кодекса»). Инструкция запрещала всем государственным учреждениям путем административного вмешательства поддерживать какой-либо определенный культ или Церковь (церковное управление) в ущерб другим культам или конфессиональным объединениям (религиозным группировкам). При этом указывалось, что ни одна религиозная организация не имеет права вмешиваться как власть имущая в деятельность какой-либо другой религиозной организации против ее воли (назначать не угодных ей служителей культа, отбирать здания, ибо храм передается не в пользование церковной иерархии, а конкретно той группе верующих/ религиозному обществу, которая подпишет договор с исполнительным комитетом). Местным административным органам рекомендовалось при урегулировании гражданских споров, возникающих между «группами старого и нового толка» (появившихся уже в годы нэпа) из-за обладания храмами, распределять наличные культовые помещения в каждом приходе, по возможности, сообразуясь с количеством последователей разных «религиозных ориентаций». «Вообще местная власть должна оградить спокойное и свободное отправление религиозных потребностей граждан в той лояльной форме, какая им угодна, и привлекать к ответственности лиц, нарушающих законы РСФСР». (СУ. 1923. № 72. Ст.699; Революция и церковь. 1924. №1-2. С.114-116; Гидулянов П.В. (Сост.). Церковь и государство по

законодательству РСФСР. С.58; РО ГМИР. Ф.4. Оп.2. Д.104. Л.6; ЦГА СПб. Ф.47. Оп.2. Д.2. Л.5–6; Ф.1001. Оп.8. Д.8. Л.533; Политбюро и церковь. Т.1. С.409, 564). Секретный циркуляр административно-организационного управления НКВД от 3 апреля 1923 г. предписывал всем губернским отделам управления (ГОУ) и губотделам ГПУ при заключении и исполнении договоров с религиозными обществами не ставить верующих «различных исповеданий в различное правовое положение». (Васильева И.Г. Российское государство и религия (1917–1920-е годы). С.167).

Во время поездки М.И. Калинина по Сибири и Дальнему Востоку летом 1923 г. ему были поданы жалобы о том, что в некоторых местах религиозным группам, насчитывающим менее 20 чел. и не имеющим возможность ввиду своей малочисленности получить в пользование культовое здание, власти не разрешают устройство молитвенных собраний в частной квартире. Эти сигналы послужили основанием для разработки специального циркуляра НКЮ и НКВД от 3 ноября 1923 г. с пометкой «Всем губернским и областным отделам управления». Циркуляр разъяснял, что «такого рода запрещения, если они не вызываются условиями данного момента и конкретной опасностью подобных собраний в контрреволюционном отношении или в отношении общественной безопасности с точки зрения технической (правила об общественных зданиях и т.п.) или общебытовой, в смысле нарушения интересов других граждан, являются незаконными и противоречащими декрету об отделении церкви от государства и статье 13 Конституции».

35. Решения, конкретизировавшие циркуляр ЦК от 16 августа, были приняты по линии различных ведомств. В Инструкции НКЮ от 1 июля 1923 г. (в соответствии с Разъяснением Наркомфина от 17.03.1923 г.) подчеркивалось, что служители культа подлежат обложению общими со всеми гражданами налогами, в т.ч. подоходно-имущественным, но освобождаются от уплаты промыслового налога. При этом религиозные объединения, как не имевшие прав юридического лица, равно как и состоявшее в их пользовании госимущество, налогом не облагались. Согласно циркулярам НКВД от 5 декабря 1923 г. и Наркомфина от 2 января 1925 г. налогообложение служителей культа должно было осуществляться в зависимости от их реальных доходов (учитываемых в книге т.н. «братских доходов»), процент обложения самих культовых зданий дифференцировался также с учетом доходности и должен был быть посильным для «данной группы верующих». Налог с земельных участков, находившихся под культовыми зданиями, и плата за коммунальные услуги взимались лишь в городах (но не на селе) и по нормам, не превышавшим те, что были приняты в данной местности для частных домовладений. (РО ГМИР. Ф.33. Оп.1. Д.3. Л.4; ЦГА СПб. Ф.1001. Оп.9. Д.10. Л.39; Политбюро и Церковь. Т.1. С.408–413; Известия ВЦИК. 1923. 1 июля; Налоги, пошлины и др. сборы по декретам, постановлениям, инструкциям и разъяснениям, опубликованным до 1 сентября 1923 г. М., 1923. С. 39). В соответствии с циркуляром НКФ от 3 сентября 1923 г. №102 губфинотделы в случае неуплаты налогов в течение 2 месяцев могли возбуждать ходатайства о расторжении договоров с верующими на пользование культовым имуществом. Постановление ЦИК и СНК 1924 г. «О страховании церковных имуществ» предписывало в течение месяца застраховать имущество за свой счет.

В письме от 21 мая 1924 г. наркома юстиции Д.И. Курского А.И. Рыкову с ответом на заявление патриарха Тихона в СНК от 8 мая 1924 г. (Политбюро и церковь. Т.2. С.432) разъяснялось, что вопросы налогообложения церковью урегулированы специальным циркуляром НКФ в том смысле, что обложению подлежат лишь городские, но не сельские церкви. Вместе с тем, предоставление зданий и предметов культа в бесплатное пользование религиозным обществам может быть понимаемо лишь в смысле запрещения взимания арендной платы, но не городских коммунальных платежей.

36. В 1922–1926 гг. происходит постепенный процесс ужесточения ведомственных актов и нормативов, регулировавших взаимоотношения между советскими органами и религиозными объединениями, а также предпринимаются шаги, направленные на даль-

нейшее ограничение политических / общегражданских прав лиц духовного звания и церковных активистов.

10 августа (июля) 1922 г. издается декрет ВЦИКа «Об административной высылке», предоставлявший особой комиссии НКВД, в состав которой номинально входило ГПУ (под председательством наркома и в составе представителей от НКВД и НКЮ, утвержденных Президиумом ВЦИК) право применять в качестве наказания к лицам, причастным к контрреволюционным выступлениям, высылку в административном порядке сроком до 3х лет за границу или в «определенные местности» РСФСР (для РПЦ такой вполне «определенной» местностью стали Соловки). Срок высылки не мог превышать 3 лет. Декрет ВЦИКа сопровождался разъяснением ВЦИКа от 22.11.1922 г. (распространявшим высылку также на лиц, подозреваемых в совершении «контрреволюционных деяний») и конкретизировался инструкцией НКВД от 3.01.1923 г. (Гидулянов П.В. (Сост.). Церковь и государство по законодательству РСФСР. С.48; Сб. законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С.12).

В том же 1922 г. вступает в силу УК РСФСР, включавший специальную статью №119, предусматривавшую наказание на срок не менее 3-х лет со строгой изоляцией (а повторно – вплоть до расстрела) за «использование религиозных предрассудков с целью свержения Рабоче-крестьянской власти или возбуждение к сопротивлению ее законам и постановлениям». Приговоры по 119 статье выносились не обычными судами, а революционными трибуналами. Статья 120 («совершение обманных действий с целью возбудить суеверия в массах населения, а также с целью извлечь таким путем какие-либо выгоды») предусматривала лишение свободы сроком до 1 года (или принудительные работы на тот же срок). Преподавание малолетним или несовершеннолетним религиозных вероучений в государственных или частных учебных заведениях и школах (Ст.121) каралось принудительными работами сроком до 1 года. (СУ. 1922. №15. С.119, 211, 214, 220, 221). Согласно ст.122 УК РСФСР, всякое принуждение при взимании сборов в пользу церковных и религиозных организаций и групп каралось принудительными работами на срок до 6 мес., с лишением сроком до 2 лет права заключать договоры с местными советами об использовании богослужебного имущества и зданий с конфискации имущества организации (Гидулянов П.В. (Сост.). Церковь и государство по законодательству РСФСР. С.52–53). УК предусматривал наказание в виде лишения свободы сроком до 1 года за совершение обманных действий с целью возбуждения суеверий в массах населения и извлечения таким путем материальной выгоды (ст.120). Каралась в уголовном порядке также попытка организации фиктивных коммун и вовлечения в них обманным путем верующих с целью их последующей эксплуатации (ст.169) (СУ. 1922. №15. С.220 и др.). В целом в УК РСФСР 1922 г. существовало 8 статей (119–125, 227), которые предусматривали наказание, вплоть до высшей меры, по преступлениям, нарушающим правила об отделении церкви от государства.

В 1922 г. в процессе принятия УК РСФСР по предложению Ленина и при его непосредственном участии в ст.57 было сформулировано общее понятие контрреволюционного преступления: «всякое действие, направленное на свержение завоеваний пролетарской власти рабоче-крестьянских Советов и существующего на основании Конституции РСФСР рабоче-крестьянского правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции и блокады, шпионажа и финансирования прессы и тому подобными средствами» (Плеханов А.М. ВЧК–ОГПУ. 1921–1928 гг. М., 2003. С.105).

Как известно, соответствующими положениями Конституции РСФСР 1918 г. (продублированными впоследствии союзным законодательством) активного и пассивного избирательного права были лишены «монахи и духовные служители религиозных культов всех исповеданий, для которых это занятие является профессией». (СУ. 1918. №51.

С.607). Согласно разъяснениям, дававшимся Наркомюстом в последующие годы (по январь 1925 г. включительно), к «духовным служителям культа» относились только те лица, которые получили особое духовное посвящение, входят в состав т.н. духовной иерархии и лично совершают так называемые таинства и обряды культа (в христианстве: епископы, священники и диаконы; в иудаизме – раввины; в мусульманстве: муллы и т.д.). Лица, «обслуживавшие культ в вокальном, декламационном, художественном, санитарном отношении (религиозный, административно – хозяйственный и технический персонал: псаломщики, регенты, муэдзины, звонари, старосты, сторожа и др.) избирательных прав не лишались, при условии, что они удовлетворяли прочим требованиям конституции. (РГАСПИ. Ф.151. Оп.1. Д.50. Л.1; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство (1917–1941 гг.). С.202–203). В конце января 1922 г. Ленин категорически отверг предложение Г. Чичерина о восстановлении в избирательных правах священнослужителей (в расчете на положительную реакцию США), назвав это «сумасшествием». (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.54. С.137, 601). Более того, в конце 1924 г. началась работа над изменением избирательного законодательства в сторону его ужесточения. Правда, это затронуло, главным образом, сектантские объединения. Что касается РПЦ, то к числу лишенцев Циркуляром ЦИК СССР от 25 апреля 1925 г. были причислены псаломщики, в случае, если для них это занятие являлось основной профессией. (Известия ЦИК и ВЦИК. 1925. 20 июня; РО ГМИР. Ф.33. Оп.1. Д.3. Л.6). Избирательная инструкция от 28 ноября 1926 г. акцентировала внимание на том, что «поражение» в избирательных правах распространяется как на «настоящих», так и бывших служителей культа. Подчеркивалось, что восстановление в политических правах возможно не ранее, чем после 5-ти лет общественно-полезного труда заинтересованного лица, доказавшего при этом свою политическую благонадежность. (Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза ССР (СЗ). 1926. №66. Ст.500; РО ГМИР. Ф.2. Оп.4. Д.104. Л.1–4).

В марте – апреле 1924 г. на местах (в частности в Ленинграде) был принят ряд решений, направленных на ограничение гражданских прав церковных активистов. Отныне служащие госучреждений, являвшиеся одновременно членами т.н. «20-к», не допускались к работе с документами, относящимся к церковным делам. Более того. Было предписано добиться (по возможности) полного исключения из состава «20-к» всех совслужащих. (ЦГА СПб. Ф.1001. Оп.9. Д.10. Л.29–29об.; 40; Шкаровский М.В. Петербургская епархия... С.104–105). 23 апреля 1924 г. административные органы Ленинграда потребовали от конфессиональных объединений периодического предоставления в соответствующие инстанции полных списков членов «двадцаток», церковно-приходских советов и служителей культа с исчерпывающим перечнем сведений, начиная с социального положения того или иного лица в дооктябрьский период. (ЦГА СПб. Ф.1001. Оп.9. Д.10. Л.29–29об.; 40; Шкаровский М.В. Петербургская епархия... С.105). Данные требования можно рассматривать как стремление государства к установлению полного контроля над религиозным активом всех культов. Подобного рода попытки предпринимались и в последующие годы. Так 15 мая 1926 г. Антирелигиозная комиссия ЦК в волевом порядке потребовала ограничения численности церковно-приходских советов. (РГАСПИ. Ф.17. Оп.113. Д.353. Л.12–14; 30–32).

В феврале 1922 г. V отдел НКЮ разъяснял, что членам групп верующих разрешается обладать средствами на приобретение предметов религиозного культа. Но деньги не могут быть вложены на текущий счет банков на имя группы верующих, поскольку последние не имеют прав юридического лица. Поэтому денежные средства могли аккумулироваться лишь на счетах отдельных граждан. (Гидулянов П.В. (Сост.). Церковь и государство по законодательству РСФСР. С.53).

В феврале 1923 г. V отдел НКЮ указывал, что религиозные общества ввиду отсутствия у них прав юридического лица не могут издавать духовные журналы или газеты, хотя «отдельным членам религиозных групп» от своего имени разрешено издавать светские и

религиозные журналы. (Гидулянов П.В. (Сост.). Церковь и государство по законодательству РСФСР. С.6).

Циркуляр НКЮ от 15 декабря 1923 г. №258 в связи с переходом страны к НЭПу приравнял служителей культа по всем обложениям к лицам свободных профессий (Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф.Р-6285. Оп.1. Д.1294. Л.23, 28, 39).

Вместе с тем 8 августа 1923 г. духовенству было отказано в праве быть членами профсоюзов и жилтовариществ. На священнослужителей, как и на бывших жандармов и полицейских, не распространялись нормы социального страхования, в старости они не могли получать пенсию.

Пожалуй, одним из немногочисленных положительных примеров середины 1920-х годов правовой защиты интересов граждан России из числа «бывших» явились действия центральных властей по отстаиванию прав духовенства на трудовое землепользование. После поступления с мест (более всего из Полесья и Гомельской губернии) сведений о стремлении уездных земуправлений отобрать у священнослужителей РПЦ земли сельскохозяйственного назначения, НКЮ выступил с протестом и поручил Наркомзему разобраться в сложившейся ситуации. Опубликованный вслед за этим циркуляр НКЗ №20 от 20/23 февраля 1923 г. предусматривал возможность сохранения земли за священнослужителями и членами их семей в случае, если эта земля уже находилась в их фактическом трудовом пользовании (обработка без привлечения наемной рабочей силы) на момент издания данного нормативного акта. Появление циркуляра способствовало уменьшению противоправных действий в отношении священнослужителей, хотя и не привело к их полному изживанию. Так, в апреле 1923 г. пленум Гомельского губисполкома оговорил применение вышеприведенного нормативного акта рядом условий, в частности, отказом священнослужителя от «фактического исполнения религиозных обрядов». (ГА РФ. Ф.353. Оп.3. Д.774. Л.21–24; Полесская правда. 1923. 14 апр.).

Вместе с тем, начиная с весны 1924 г., советские власти на местах стали предпринимать настойчивые усилия, направленные на превращение сельхозкооперативов (совхозов), созданных на базе монастырских (в прошлом) владений из числа бывших монашествующих, в коммуны, состав которых активно пополнялся за счет соседних безземельных крестьян. (Квитко И.М. («Святой» Иннокентий Балтский и иннокентьевщина. М.; Л., 1926. С.152 и др.).

Уголовный кодекс РСФСР, принятый 2-й сессией ВЦИК XII созыва и введенный в действие постановлением ВЦИК от 22 ноября 1926 г. с 1 января 1927 г., содержал целый ряд статей, связанных с религиозной деятельностью. В особую главу выделялись незначительные нарушения правил об отделении церкви от государства: ст.122 (преподавание несовершеннолетним религии в государственных или частных учебных заведениях), ст.123 (совершение обманных действий с целью возбуждения суеверия в массах), ст.124 (принудительное взимание сборов в пользу церковных и религиозных групп), ст. 125 (присвоение религиозными организациями публично-правовых функций и прав юридических лиц), ст. 126 (совершение в государственных и общественных учреждениях и предприятиях религиозных обрядов), ст. 127 (воспрепятствование исполнению религиозных обрядов, не нарушающих общественного порядка). Эти нарушения наказывались исправительно-трудовыми работами на срок до одного года или штрафом до 500 руб.

Статьи 58-1 – 58-14 (контрреволюционные преступления) были приняты 6.06.1927 г. (СУ. 1927. №49. Ст.330) (Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 гг.: Документы и материалы: В 5 т. Т.1. Май 1927 г. – ноябрь 1929 гг. М., 2000. С.784-785; Т.2. Ноябрь 1929 г. – декабрь 1930 г. М., 2000. С. 819-821).

Различные случаи уклонения от военной службы под предлогом религиозных убеждений (ст.68, 69, 594, 595 и др.) предусматривали разные степени наказания: от применения правил дисциплинарного устава РККА, исправительно-трудовых работ или лишения свободы на срок 1–5 лет до высшей меры наказания – расстрела.

В самый страшный раздел, касающийся контрреволюционных преступлений, входила статья 597: пропаганда или агитация, направленные к возбуждению национальной или религиозной вражды или розни, а равно распространение или изготовление и хранение литературы того же характера. Эти действия влекли за собой лишение свободы на срок до двух лет, а в условиях военной обстановки или массовых волнений – лишение свободы на срок не ниже двух лет с конфискацией всего или части имущества, «с повышением, при особо отягощающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты – расстрела, с конфискацией имущества» (Уголовный кодекс РСФСР. М., 1938. С.3, 36-37, 43-44, 68-69, 98 и др.).

37. Что с точки зрения Антирелигиозной комиссии ЦК явилось «уже неким излишеством с другой стороны». (Политбюро и церковь. Т.1. С.419. Известия ЦК КП(б) Грузии. 1923/24. №2–3. С.46, 58).

38. Напомним, что еще 5 декабря 1919 г. были отменены религиозные праздники, связанные с членами царской фамилии, и введены 6 общеобязательных государственных праздничных дней («Правила о еженедельном отдыхе и праздничных днях»). Кроме того, местным властям было предоставлено право (что фиксировалось в ст.112 Кодекса законов о труде 1922 г.) для населения православного вероисповедания устанавливать дополнительно еще до 10 дней отдыха (необязательных и неоплачиваемых), приуроченных к «красным» дням церковного календаря. (Революция и церковь. 1919. №1. С.28-29; Известия ВЦИК. 1918. 5 дек.; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство (1917–1941 гг.). С.261; СУ. 1923. № 70. Ст. 678; №72. Ст. 707). С 30 июля 1923 г. по просьбе обновленческого Поместного собора праздничные дни были перенесены на новый стиль. Однако это привело к тому, что многие работники отмечать праздники сразу по двум календарям. Попытки навести порядок (соответствующие разъяснения НКЮ и Наркомтруда в ноябре 1923 г.), судя по всему, особого эффекта не дали. 6 июня 1925 г. Антирелигиозная комиссия ЦК даже рассматривала вопрос о возможности возврата к старому календарю в целях сокращения прогулов на производстве. (РГАСПИ. Ф.17. Оп.113. Д.353. Л.15–17; ГА РФ. Ф.353. Оп.7. Д.2. Л. 1–2, 34, 44). В июне 1923 г. НКВД Крыма выступил с предложением упразднить все религиозные праздники на территории РСФСР. Наркомост ответил категорическим отказом, в качестве аргумента сославшись на то, что 90 % населения страны – верующие. (ГА РФ. Ф.353. Оп.7. Д.2. Л.1, 2, 50). В свою очередь, руководство Башкирии настаивало (в сентябре – декабре 1924 г. и вторично – в январе – марте 1925 г.) на перенесении дня еженедельного отдыха с воскресенья на среду, полагая, что подобный шаг, «несомненный с точки зрения антирелигиозного эффекта», не затронет национальных чувств ни коренного, ни русского населения. Несмотря на положительную реакцию Ем. Ярославского, Секретариат и Оргбюро ЦК предложение отвергли, как «нарушающее линию партии в религиозном вопросе». (РГАСПИ. Ф.17. Оп.112. Д.619. Л.4; Д.645. Л.3, 188, 193–194). Пленум ЦК КП(б)У (22 июня 1923 г.) и Политбюро ЦК КП(б)У (13 июля 1923 г.) также выразили сомнение в целесообразности переноса дня еженедельного отдыха (не эффективная мера: а еврей? а мусульмане?) и рекомендовали бороться с религиозным бытом посредством организации по воскресным дням гражданских культурных праздников. (РГАСПИ. Ф.89. Оп.4. Д.163. Л.4–8). В 1925 г. ВЦИК и СНК приняли решение о замене праздников Крещения и Благовещения соответственно 2 мая и 8 ноября. (РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.740. Л.3). (Постановления Политбюро «об установлении революционных праздников за счет религиозных» (15 мая, 19 июня, 27 июня, 3 июля, 5 ноября 1924 г., 7 января, 27 января, 5 февраля, 12 февраля, 9 апреля 1925 г.). (РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.438. Л.5; Д.444. Л.4; Д.445. Л.5; Д.447. Л.5; Д.473. Л.2; Д.484; Л.4; Д.486. Л.4; Д.487. Л.2; Д.488. Л.3; Д.496. Л.7; Петров С.Г. Документы делопроизводства Политбюро... С.369).

Вместе с рождеством была отменена и елка, уже прочно сросшаяся с ним. Елка, против которой когда-то выступала Православная церковь, теперь стала называться «поповским обычаем». (Душечкина Е. Русская елка. СПб., 2002. С.268–269, 278). 17 ноября

1935 г. в ходе Первого Всесоюзного совещания стахановцев Сталин И.В. произнес «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее». Елка (как и многое другое из дореволюционной культуры) могла послужить укреплению победившего режима, возвращая людям привычные радости жизни» 28 декабря 1935 г. на страницах «правды» Постышев П.П. выступил с призывом «Давайте организуем к новому году детям хорошую елку!», в декларативном тоне указав на необходимость положить конец неправильному осуждению елки (левый загиб), адресов комсомольцам и пионервожатым следующие слова «В школах, детских домах, в дворцах пионеров ... везде должна быть детская елка! Не должно быть ни одного колхоза, где бы правление вместе с комсомольцами не устроило бы накануне нового года елку для своих ребятишек. Горсоветы ... должны помочь устройству советской елки для тетей нашей великой социалистической родины».

39. В начале 1920-х гг. Антирелигиозная комиссия ЦК, а вслед за ней и руководство РКСМ порекомендовали первичным организациям воздерживаться от организации диспутов на религиозные темы (тем более, на платной основе), полагая, что дискуссионные формы, «в которых мы часто слабее противника, создают «аудиторию для поповской агитации». (КПСС в резолюциях... Т.2, С.445; РГАСПИ. Ф.17. Оп.60. Д.146. Л.52; Д.148. Л.20; Оп.112. Д.443а. Л.22; Ф.89. Оп.4. Д.115. Л.4; Ф. М-1. Оп.3. Д.3. Л.49; ЦГАООУ. Ф.1. Оп.20. Д.748. Л.158–159;). В 1924–1925 гг. мягкие рекомендации «не увлекаться диспутами» (особенно в красноармейских казармах) сменились прямыми запретами на этот счет. Первый съезд Общества друзей газеты «Безбожник» (апрель 1925 г.) оговаривал возможность использования дискуссионных агитационных форм рядом обязательных предварительных условий: специальным подбором аудитории исключительно из трудовых элементов; заранее гарантированным перевесом над церковниками; изначальной договоренностью о том, что выступающие строго будут придерживаться рамок установленной темы, не будут сбиваться на цитирование, оставаясь на конкретной почве твердо установленных фактов. Съезд считал, что наиболее выигрышным («для целей антирелигиозной пропаганды») вариантом явилась бы организация дискуссий представителей различных конфессий между собой. (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп.3. Д.21. Л.66; Безбожник. 1925. 20 дек.; Зырянов И. Антирелигиозная пропаганда. Методология, содержание и задачи. Харьков, 1926. С.128–129).

40. РГАСПИ. Ф.17. Оп.60. Д.438. Л.10; ГАРФ. Ф.5407. Оп.1. Д.14. Л.143об.

41. РГАСПИ. Ф.17. Оп.11. Д.157. Л.2; Оп.60. Д.438. Л.11.

42. Знамя коммунизма. 1924. №5. С.145.

43. Поразительно интересный материал об организации (1922–1929 гг.) Центрального антирелигиозного музея (ЦАМ) в Москве содержат рукописные воспоминания известного в 1920-х гг. идеологического работника, автора многочисленных публикаций Б.П. Кандидова. (РО ГМИР. Ф.31. Оп.1. Д.2. Л.1–88).

44. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп.3. Д.3. Л.161-162; Д.5. Л.160; Д.14. Л.7-11; Оп.2. Д.6. Л.17; Ф.17. Оп.60. Д.35. Л.9; Д.438. Л.34, 35; Д.723. Л.42-44, 50, 121-137; ЦГА СПб. Ф.7384. Оп.15. Д.69. Л.55; ЦГАООУ. Ф.1. Оп.20. Д.1842. Л.35; Д.2006. Л.72; Пролетарий (Харьков). 1922. 1 сент.; Антирелигиозник. 1926. №6. С.52; Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. С.463; 4 года работы (Союз безбожников СССР). Отчет Второму Всероссийскому съезду (апрель 1925 – апрель 1929 гг.). М., 1929. С. 60; Коммунистическая революция. 1925. №4. С.25; Коммунистическое просвещение. 1925. №2. С.168; Революция и церковь. 1922. №1-2. С.77; Известия ЦК РКП(б). 1922. №3. С. 64; Безбожник. 1925. 1 и 8 февр., 17 мая, 7 июня; Ч. Дарвин в клубах РКСМ. М., 1923; КПСС в резолюциях... Т.2. С.446; Отчет ЦК РКСМ 5-му Всероссийскому съезду. М., 1922. С.80; Материалы к отчету ЦК Компартии Армении за март 1924 – окт. 1925 гг. Эривань, 1925. С.88, 90; К обществу, свободному от религии. М., 1970. С.250.

45. ГАСО. Ф.1. Оп.1. Д.1560. Л.339; Д.2180. Л.258, 264-265; Д.2054. Л.37 и др.

46. Правда. 1925. 1 февр.; Безбожник. 1923. 1 февр.; Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. С.390; РГАСПИ. Ф.17. Оп.60. Д.36. Л.34; Ф.89. Оп.4. Д.143. Л.30.

47. КПСС в резолюциях... Т.3. С.114-116, 124-125; РГАСПИ. Ф.17. Оп.60. Д.438. Л.9-15; Ф.89. Оп.4. Д.115. Л.69.

48. ГАРФ. Ф.2306. Оп.1. Д.2101. Л.208-209; ЦГАООУ. Ф.1. Оп.20. Д.748. Л.56-58.

49. Луначарский А.В. Десять лет культурного строительства в стране рабочих и крестьян. М.; Л., 1929. Диагр.10; Великая Октябрьская Социалистическая революция и становление советской культуры. М., 1985. С.172, 173, 433; РГАСПИ. Ф. М-1. Оп.2. Д.10. Л.211 и др.

50. Великая Октябрьская Социалистическая революция и становление советской культуры. С.172-173; РГАСПИ. Ф.17. Оп.60. Д.1027. Л.4; Ф. М-1. Оп.2. Д.10. Л.211; ГАРФ. Ф.2306. Оп.1. Д.839. Л.30; Д.1682. Л.4-6; НА РБ. Ф.701. Оп.1. Д.6. Л.88-89; Бюллетень Наркомпроса. 1923. №28. С.13; 1924. №7. С.10-11; 1925. №38. С.11; о теории «безрелигиозного воспитания» см. подробнее: Крупская Н.К. Пед. соч. Т.3. С.346, 352 и др.

51. Ленин и искусство: Мемуары. М., 1934. С.169; Латышев А. Рассекреченный Ленин. С.161.

52. РГАСПИ. Ф.17. Оп.60. Д.418. Л.19; Д.438. Л.7; КПСС в резолюциях... Т.3. С.111; Безбожник. 1925. №2. С.13; Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. С.495; Зырянов И. Антирелигиозная пропаганда. С.130-134.

UDC 908

STATE-CONFESSIONAL RELATIONS IN SOVIET RUSSIA UNDER NEW ECONOMIC POLICY: MISSED OPPORTUNITIES AND UNREALIZED ALTERNATIVES

Yury N. Makarov

Doctor of History,

Assosiated Professor

Sochi State University for Tourism and Recreation

Sovetskaya street 26a. Sochi city. Krasnodar Krai. 354000. Russia

Article basing on archive materials considers state-confessional relations in Soviet Russia under new economic policy.

Keywords: confessional relations, new economic policy, Soviet Russia, Russian Orthodox Church.